

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Шилихиной Ксении Михайловны «Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты» (Воронеж, 2014), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

«Отвага слабых» (А. Берте) – ирония как душевное состояние и как речевое воплощение последнего стара как мир и человек: слово «ирония» в значении «издевательство, насмешка», появившись в древне-греческом языке в досократовские времена, сохранилось и в ново-греческом – *εἰρωνεία*, а *εἰρων*, соответственно, – «насмешник». Первым же культурным прецедентом иронии являются трикстерные мифы, в которых персонафицируется «отрицательный» сакральный культурный герой: Эпиметей рядом с «положительным» Прометеем.

Ирония как «называние вещей противоположными именами» является объектом научного интереса уже более двух тысячелетий, но, тем не менее, обращение к сущности и языковым средствам выражения этой философской и эстетической категории дает исследователю возможность применить наработанные к настоящему времени прагматические, коммуникативные и когнитивные теории и методики, а сегодняшняя «новая волна» исследовательского внимания к ней в немалой мере определяется общим интересом современной лингвистики к изучению непрямой коммуникации – «скрытых смыслов» и «криптокатегорий».

Диссертационная работа К. М. Шилихиной – комплексное, многомерное и в определенной степени междисциплинарное исследование, выполненное в русле нескольких лингвистических направлений: теории дискурса и теории речевых актов, речезанроведения и коммуникативистики, когнитивной и корпусной лингвистики. Она носит «монотемный» характер и посвящена изучению вербальной иронии как «дискурсивной практики» – одной из категорий дискурса.

Однозначного определения иронии и общепринятой классификации её видов и на сей день не существует, вербальная ирония носит «протичный» характер – она принимает форму своего объекта, и поэтому её лингвистическое моделирование будет оставаться, очевидно, еще долго *актуальным*. *Новизна* рецензируемой диссертации определяется как исследовательским «субстратом», так и методологическими подходами: оно проведено на материале академического, политического, устного разговорного и компьютерно-опосредованного дискурсов четырех языков с использованием данных и методик корпусной лингвистики.

В композиционном плане диссертация довольно условно распадается на две части: в первой из них (главы 1–4) дается исторический экскурс изучения иронии и наработываются основные теоретические и методологические положения, во второй (главы 5–7) исследуются способы вербального представления иронии и формируется её дискурсная модель.

В первой главе диссертации дается обзор подходов к изучению иронии от времен античности, когда ирония приравнивалась к риторическому приему антифразиса (Квинтилиан) и притворству – нарочитой неосведомленности (Сократ), к 20-му веку и современности, когда она стала рассматриваться как один из приемов непрямой коммуникации (Грайс), видом интертекстуальности (Уилсон-Спербер) либо способом фиксирования коммуникативной релевантности/нерелевантности высказывания (Аттардо).

Вторая глава диссертации посвящена рассмотрению научных подходов к типологии и классификации видов иронии вообще (ирония вербальная и ситуативная, драматическая, сократовская, философская, романтическая и пр.) и вербальной иронии (Чжанг, Кройц-Робертс, Симпсон, Походня, Ермакова). В ней анализируется функциональный потенциал иронии как завуалированной формы агрессии, вежливой критики или полифункционального континуума (Хатчесон).

В третьей главе рассматриваются приемы и методы корпусной лингвистики в приложении к исследованию иронии, разрабатывается схема анно-

тации способов выражения иронии в разнотипных текстах, выделяются стратегии (вербальная, риторическая и когнитивная) создания иронии в тексте.

Четвертая глава диссертации посвящена изучению серьезного (*bona fide*) и несерьезного (*non bona fide*) модусов общения, в ней выделяются и иерархизируются параметры этих режимов коммуникации (отношение к действительности, степень имплицитности/эксплицитности, игровой характер, рациональность-эмоциональность, присутствие деонтической оценки, возможность комментирования и пр.), выстраиваемые в полипараметрическую модель (стр. 180), что позволяет автору различить иронию, сарказм, юмор, ложь и абсурд.

В пятой главе анализируется функционирование метаязыковых маркеров коммуникации в серьезном и несерьезном режимах общения как средства коммуникативной организации дискурса – установления взаимоотношений между участниками коммуникации и содержанием высказывания – и на основе анализа адъективной сочетаемости и метафорики дается аксиологическая характеристика иронии.

В шестой главе диссертации анализируется функционирование иронии в академическом, политическом, устном разговорном и компьютерно-опосредованном дискурсах, где делается вывод о том, что ведущим прагматическим свойством иронии является создание асимметрических отношений между коммуникантами: отношений авторитетности и зависимости от авторитета. Здесь же определяется статус иронии как дискурсивной практики – распространенного в языковом сообществе способа говорить о чем-либо (с. 289).

И, наконец, в **седьмой главе** формируется комбинаторная модель понимания иронии в дискурсе в терминах сознательного нарушения связности высказывания, игрового характера и деонтической оценки.

Как представляется, к числу безусловных достоинств диссертационного исследования К. М. Шилихиной можно отнести параметризацию модусов/регистров общения – серьезного (*bona fide*) и несерьезного (*non bona fide*),

что позволяет автору диссертации дать относительно непротиворечивую классификацию их разновидностей, прежде всего, модуса несерьезного общения (с. 173–175, 180): юмора, иронии и сарказма.

Еще одним несомненным достоинством рецензируемого диссертационного исследования выступает положение о доминирующей функции иронии как средства асимметрических отношений авторитетности и доминирования между коммуникантами независимо от разновидности дискурса, в которой функционирует ирония (с. 271, 278, 285).

К числу таких достоинств можно также отнести использование в диссертационном исследовании материала и методов корпусной лингвистики, что, несомненно, придает ему объективность и повышает степень его эвристической достоверности.

Достоин внимания и представляет безусловный научный интерес тезис диссертанта о приоритетном характере разговорной речи в формировании гипотез о языке вообще и о вербальной иронии в частности (с. 187).

В этом же ряду достоинств стоит и «синтезирующий» (как противоположность аналитическому) подход диссертанта к *созданию комбинаторной модели понимания иронии* (с. 335–336), позволяющей рассматривать понимание иронии как объединение и синтез смыслов.

В целом теоретические положения, вынесенные соискателем на защиту (с. 10–13) можно признать доказанными, а выводы автора диссертационного исследования обоснованными и достаточно в целом аргументированными. Работа написана четким языком научной прозы, изложение содержания в ней характеризуется логически структурированной композицией. Она отличается научной добросовестностью, методологической тонкостью анализа, её автор проявляет незаурядную эрудицию. Список литературы по теме диссертации, насчитывающий более четырех сотен наименований, подтверждает научную эрудицию автора, соответствующую заявленной ученой степени.

Вместе с тем, диссертационное исследование К. М. Шилихиной – работа новаторская и, тем самым, проблемная, она не может не вызвать определенных

вопросов и даже, может быть, некоторого неприятия, что вполне объяснимо, принимая во внимание сложность исследуемой материи и количество существующих мнений на предмет исследования. Возникшие у рецензента критические замечания – это скорее знак высокой её оценки как исследования проблемного и дискуссионного.

Естественно, как любое исследование подобного интеллектуального уровня и объема докторская диссертация не может не содержать спорных положений, а её высокий уровень позволяет рецензенту задать некоторые вопросы уважаемому диссертанту.

Сначала вопросы.

1. Хотелось бы определиться с психологическим статусом иронии. Ирония, как правило, явление вторичное – она сопровождает либо участвует в создании насмешки, оскорбления, критики и пр. (ср.: «Ирония – оскорбление, облеченное в форму комплимента – Э. Уиппл). А что же, собственно, представляет она как психологическое состояние субъекта, которое им экстерииоризируется? Диссертант называет иронию «дискурсивной практикой» (с. 289), и это верно, но под родовое имя дискурсивной практики попадают и тропы, и фигуры речи, и речевые акты и пр. А есть ли у неё свой специфический отдельный видовой статус?
2. Ирония участвует в создании таких жанров как стёб и недавно появившиеся демотиваторы. Не смог бы диссертант как-то отграничить её от демотиваторов и стёба?
3. Хотелось бы также узнать, отражается ли на сути иронии характер референтной отнесенности её денотата – объектной ситуации, всегда ли эта ситуация определено референтна или её референция может быть неопределенной: «иронической верой в вымышленный текст» (с. 90) как, например, в большинстве анекдотов «черного юмора»?
4. Диссертант справедливо отмечает, что в русскоязычных научных текстах ирония встречается реже, чем в англоязычных (с. 264). А имеет ли место этнокультурная специфика иронии на когнитивном уровне? Если она

- есть, то в чем она выражается?
5. В лингвокультурах существуют типажи шутника, враля, балагура, насмешника, правдоискателя и пр. А можно ли выделить лингвокультурный типаж «ироника» или «ирониста»? Может быть, это шут?
 6. Помимо общеизвестной «отрицательной иронии» с имплицитно отрицательной оценкой объектной ситуации («Похвала глупости») в исследованиях выделяется иногда «плюсовая ирония» (Лимарева 1997), образованная аксиологическим обращением коннотаций, когда действительности не соответствует отрицательная оценка («дурочка-дурачок», «глупышка», *idiotie*, при обращении к любимому человеку, «разбойник» при обращении к шаловливому ребенку и пр.). Существует ли она?
 7. Каково соотношение в иронии истинности и искренности? В ироничных похвалах, вопросах, просьбах и предложениях («Сколько, говоришь ты, тебе лет?») отрицается как раз не истинность объектной ситуации, а искренность говорящего.
 8. Диссертант совершенно справедливо указывает на градуальный характер кооперативности-некооперативности при функционировании показателей иронии в дискурсе. А не носит ли градуальный характер лексическая вербализация иронии: подтрунивание, подначивание, насмешка, сарказм? Может быть, сарказм – это степень (высшая) иронии?
 9. Смоделировать иронию на компьютере пока не удалось, а, в принципе, такое возможно ли, принимая во внимание тот факт, что иронию распознает не каждый «естественный» интеллект? Достаточно указать на то, что некоторые примеры иронии, приводимые диссертантом в тексте работы (с. 23, 93, 274, 326, 332, 333), могут восприниматься как неироничные.
 10. Этимологически, первоначально ирония – это насмешка, издевка, издевательство. Греческое *εἶρων* – «насмешник». А встречаются ли в современных языках контексты «этимологического» употребления иронии?
 11. Диссертант отмечает взаимозависимость иронии и вежливости (с. 100,

101), а не является ли эта зависимость обратной?

12. Диссертант настаивает на замене аксиологической оценки в составе признаков иронии на деонтическую (с. 338). «Деонтический» – прилагательное, производное от «деонтологии» – раздела этики, имеющего дело с вопросами морального долга. Тогда как, по мнению диссертанта, разделяются аксиологическая и деонтическая оценки? Если в наборе функций иронии деонтическую оценку заменить на аксиологическую, то что получится? Шутка?
13. Как в сарказме выражается *эксплицитно* отрицательная оценка (с. 176, 184)? Что значит «эксплицитность выражения деонтической оценки» (с. 173) у иронии?
14. И наконец, касательно терминов *bona fide*, *non-bona fide*. Почему бы не *mala fide*, то есть отрицание лексическое, а не грамматическое?

А вот замечания.

1. В работе обсуждается «ирония судьбы», но почему-то нет историко-философского термина «ирония истории», фиксирующего феномен радикального несовпадения целей человеческих усилий в социальной сфере и получения результата и восходящего к Гегелю («хитрость мирового разума»).
2. Примеры на с. 23, 93, 274, 326, 332, 333 могут получить совсем не ироническое истолкование – могут быть поняты как шутка, стеб, сатира.
3. Диссертант утверждает, что глагол «иронизировать» не употребляется в качестве перформатива (с. 287, 353), и тут же приводит примеры его метакоммуникативного употребления «Я иронизирую», «Говорю с горькой иронией» и пр. Как представляется метакоммуникативная функция здесь отнюдь не исключает перформативную.

Кто-то из французских моралистов очень верно подметил, что наши недостатки – продолжение наших достоинств. Отмеченные проблемные положения являются, безусловно, неизбежным «побочным продуктом» новизны и междисциплинарной направленности диссертационного исследования

К. М. Шилихиной и не влияют на высокую оценку работы, которая является вполне оригинальным и законченным исследованием по весьма актуальной теме.

Диссертация оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к работам данного жанра. Автореферат диссертации и публикации автора в полной мере отражают содержание рецензируемой работы. По результатам исследования опубликована монография и 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Полученные соискателем научные результаты соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – теория языка. Рецензируемая работа является серьезным вкладом в теорию дискурса и лингвистическую семантику, актуальна по своей тематике, отвечает требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости и на этом основании заслуживает высокой оценки. Тем самым можно утверждать, диссертационное исследование К. М. Шилихиной отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, то есть соответствует п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ, и её автор достоин присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по заявленной специальности.

Профессор кафедры научно-технического перевода
Кубанского государственного технологического
университета, доктор филологических наук,
профессор Сергей Григорьевич ВОРКАЧЕВ

Подпись проф. С. Г. Воркачева заверяю

Начальник Центра
административного
управления и контроля

Каширина Е.И.

25.08.2014

Домашний адрес: 350049, г. Краснодар, 2-й Севастопольский проезд, дом 20;
Т.: 8-918-49-44-580;
E-mail: svork@mail.ru